

гробного мира. Почести умершему воздавались на домашнем алтаре пена-тов. Римляне верили, что переход в загробное царство холостяка является оскорблением душам предков. Поэтому холостая жизнь считалась нечестивой и преступной.

На первый взгляд, сонм римских богов имел много общего с греческим Олимпом, но собственно римский культ сложился задолго до общения с Грецией. Римляне, как и другие арийские племена, верили в божественные силы природы. Конечно, первым в Риме почитался «совершеннейший и величайший» Юпитер-громовержец (греческий Зевс); затем — Веста, Марс — покровитель войны, Геркулес — греческий полубог Геракл, который пользовался в Риме большим почетом, Церера — покровительница полей, Минерва, Юнона, Диана, Венера, Сатурн, Нептун и Меркурий. Культы этих божеств позаимствовали у греков некоторые атрибуты, но формировались самостоятельно, приспособивая к потребностям и нравам Рима.

Рис. 169. Храм Солнца в Риме. Реставрация

Любопытной особенностью римского Олимпа являлся двуликий Янус — «бог всяких начинаний». Его изображение помещали над входом в дома. Считается, что именно с него изображениям божеств начали придавать пластические формы. Главными жрецами в Древнем Риме считались жрецы Юпитера, Марса и Квирина. Служение женским божествам совершали жены жрецов. При первых царях высшим жрецом являлся сам представитель власти, а высшей жрицей — его жена.

* * *

Постепенное увеличение численности алтарей привело к расширению количества жрецов, высших хранителей религиозных знаний, посредников между людьми и богами. Наиболее древней считалась коллегия авгу-

ров. Обязанность авгуров заключалась в том, чтобы с помощью наблюдений за птицами возвещать волю богов. Никакого важного дела не начинали, не спросив мнения богов. Это постепенно увеличивало влияние авгурства. Позднее, когда первобытные верования утратили свое значение, вера в авгуров пошатнулась и они утратили свое влияние.

Другой класс жрецов, жертвогадатели (*haruspices*), вероятно, перешел в Рим из Этрурии. Жертвогадатели специализировались на внутренностях животных, которых приносили в жертву. Коллегии их разрастались все больше и приобрели в конце Республики большое значение в обществе. Без них не обходилось ни одно жертвоприношение, и они считали себя выше авгуров, хотя и не достигли того почетного положения, какое сумели создать себе авгуры.

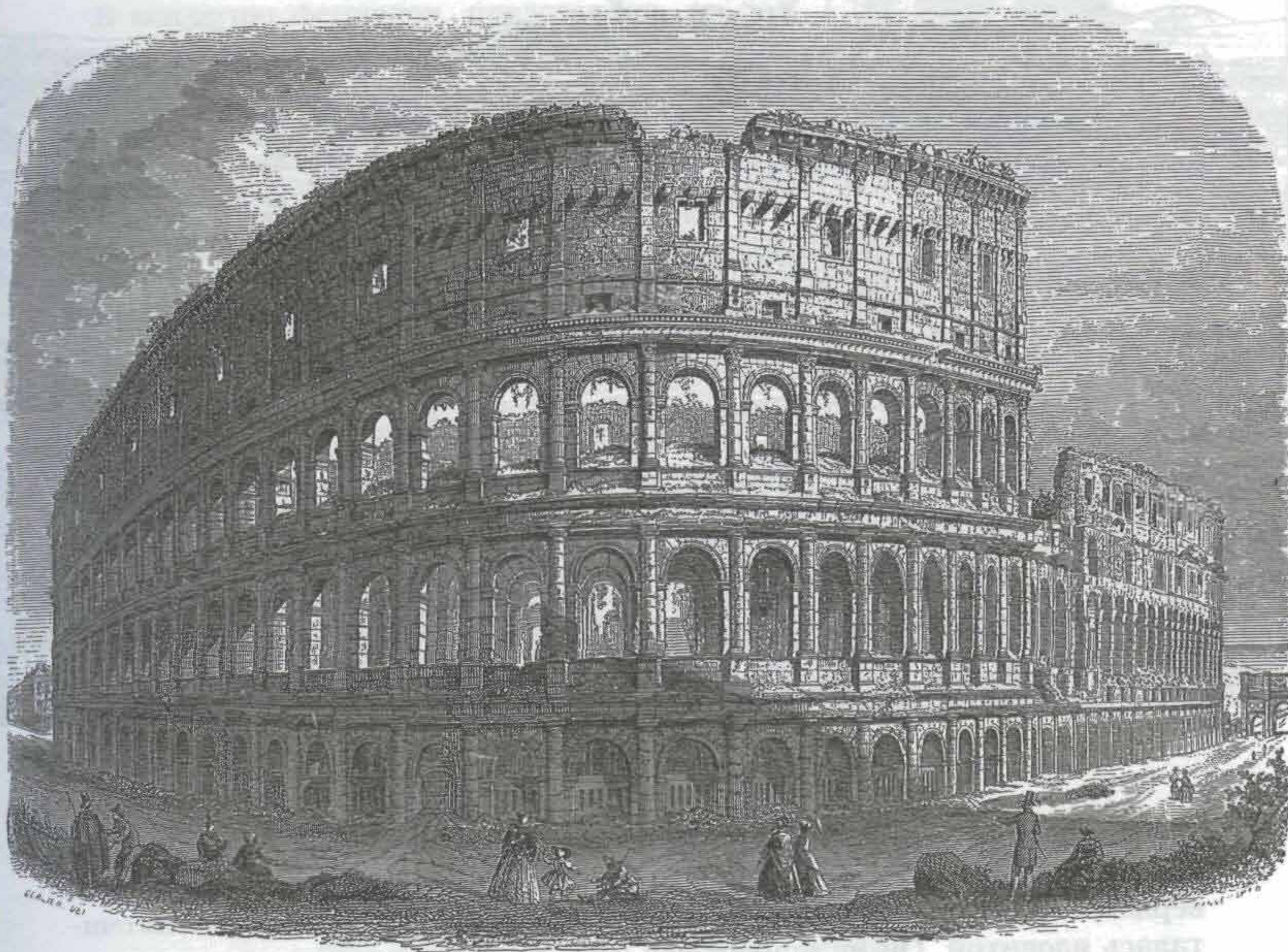

Рис. 170. Римский Колизей в XIX веке

Еще одной коллегией являлись понтифики — верховные жрецы. Они наблюдали за календарем, занимались астрономией и хранили священные предания. Эта коллегия состояла из пяти, впоследствии десяти членов, старшина которых назывался *pontifex maximus*.

В Риме получили широкое распространение всевозможные культы, заимствованные у покоренных народов. Это помогло сближению национальностей в государстве. Храмы, поставленные во славу греческим, египетским и восточным божествам, способствовали распространению в обществе религиозной терпимости и, в то же время, довели народ до совершенного безверия. По мере ослабления религиозного чувства богослужение становилось все пышнее, жертвоприношения превращались в роскошные пиры, а весь религиозный обряд — в торжественное зрелище. Излишества и бесчинства доходили до того, что сенат и власти Рима должны были неоднократно прибегать к суровым мерам в защиту нравственности.

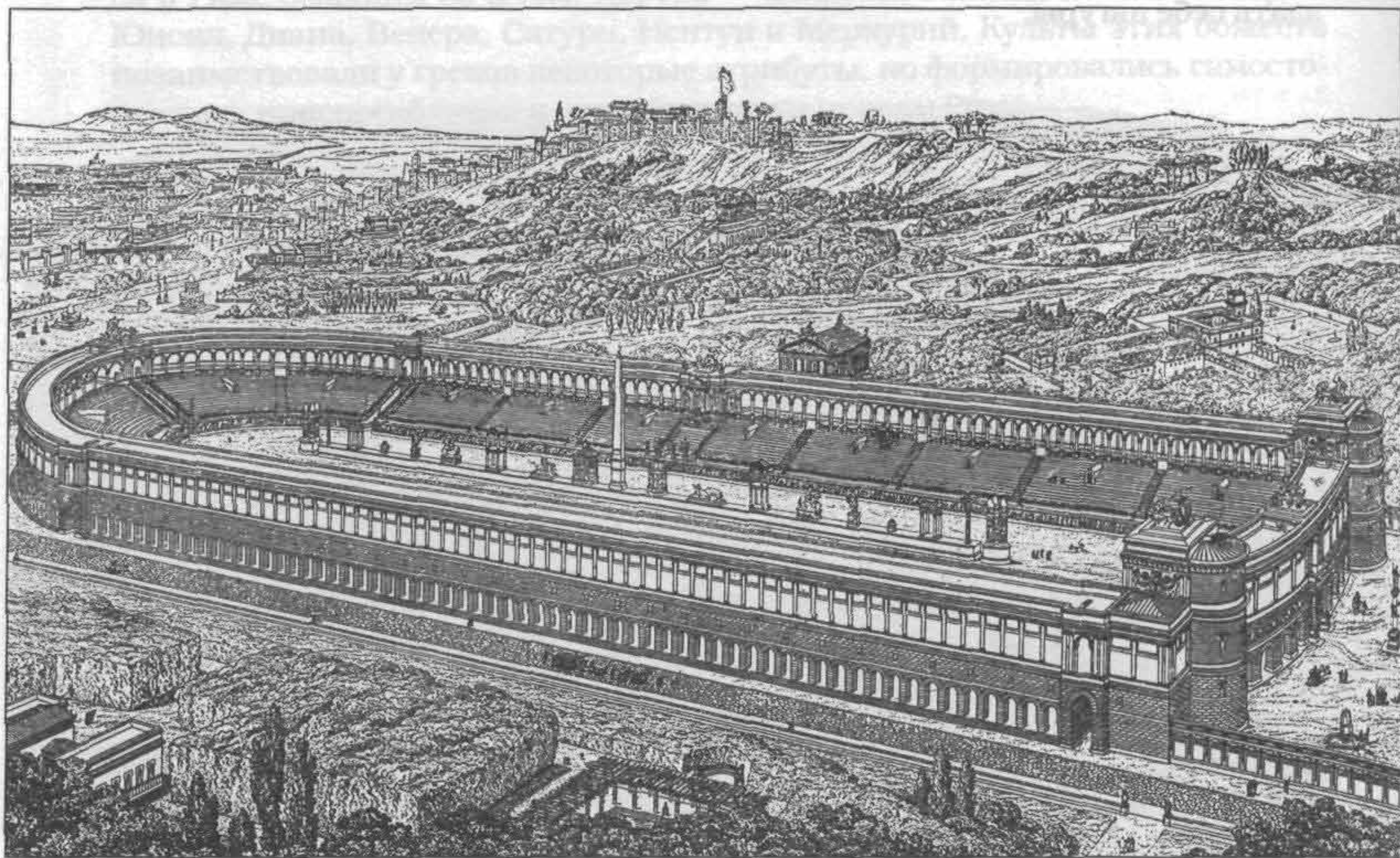

Рис. 171. Цирк Калигулы и Нерона. Рим, реконструкция

Образ жизни жреца Юпитера, который так высоко стоял в глазах народа, отличался самой строгой регламентацией. Жрец не имел права ездить верхом — он не мог даже касаться лошади, так как лошадиная печень считалась ядовитой. Он не прикасался ни к чему нечистому: не мог дотронуться до кислого теста во время брожения, до собаки, до трупа и даже до сырого мяса и бобов. На его постель не имел права лечь никто, кроме него. Сам он не мог провести более трех ночей вне дома, должен был стричь волосы и бороду, причем парикмахерские обязанности мог выполнять только свободнорожденный и непременно медным инструментом. Обрезки волос и ногтей жреца Юпитера зарывали под фруктовым деревом. На одежде его не было узлов, он не мог украшать себя виноградной ло-

зой, потому что ее усики закручиваются в кольца. Он мог носить одежду, изготовленную исключительно его женой. Жениться жрец Юпитера мог только один раз и законным браком. Он не имел права на развод, и в случае смерти жены обязан был оставить свой высокий пост.

Flaminica, жрица Юноны, носила шерстяную одежду такой длины, чтобы из-под нее не мог мелькнуть даже носок ноги. Она не имела права подниматься на высокую лестницу; ее обувь обязательно изготавливали из шкуры жертвенного животного.

Понтифики были хранителями общественного религиозного предания. Другая коллегия заведовала богослужением иностранным богам. Главным греческим культом в Риме был культ Аполлона.

В коллегиях фециалов, представлявшую собой дипломатический корпус, принимали только представителей высшей аристократии Рима. Фециалы собирались для обсуждения государственных союзов и договоров, для объявления войны. В качестве представителей государства они выезжали к народам, нарушившим договор. Переступив границу

римских владений, глава посольства призывал Юпитера в свидетели, что его требование справедливо. Недовольство и требования Рима он обычно высказывал первому встречному иностранцу, затем повторял их у городской заставы и излагал перед лицом представителей народа на площади. Если в течение определенного времени не поступало желаемого ответа, фециалы возвращались с донесением в римский сенат.

Если сенат находил необходимым объявить войну, то для соблюдения формальностей на границу выезжала депутация фециалов. Омочив копье в крови жертвенного животного, фециалы кидали его через границу в при-

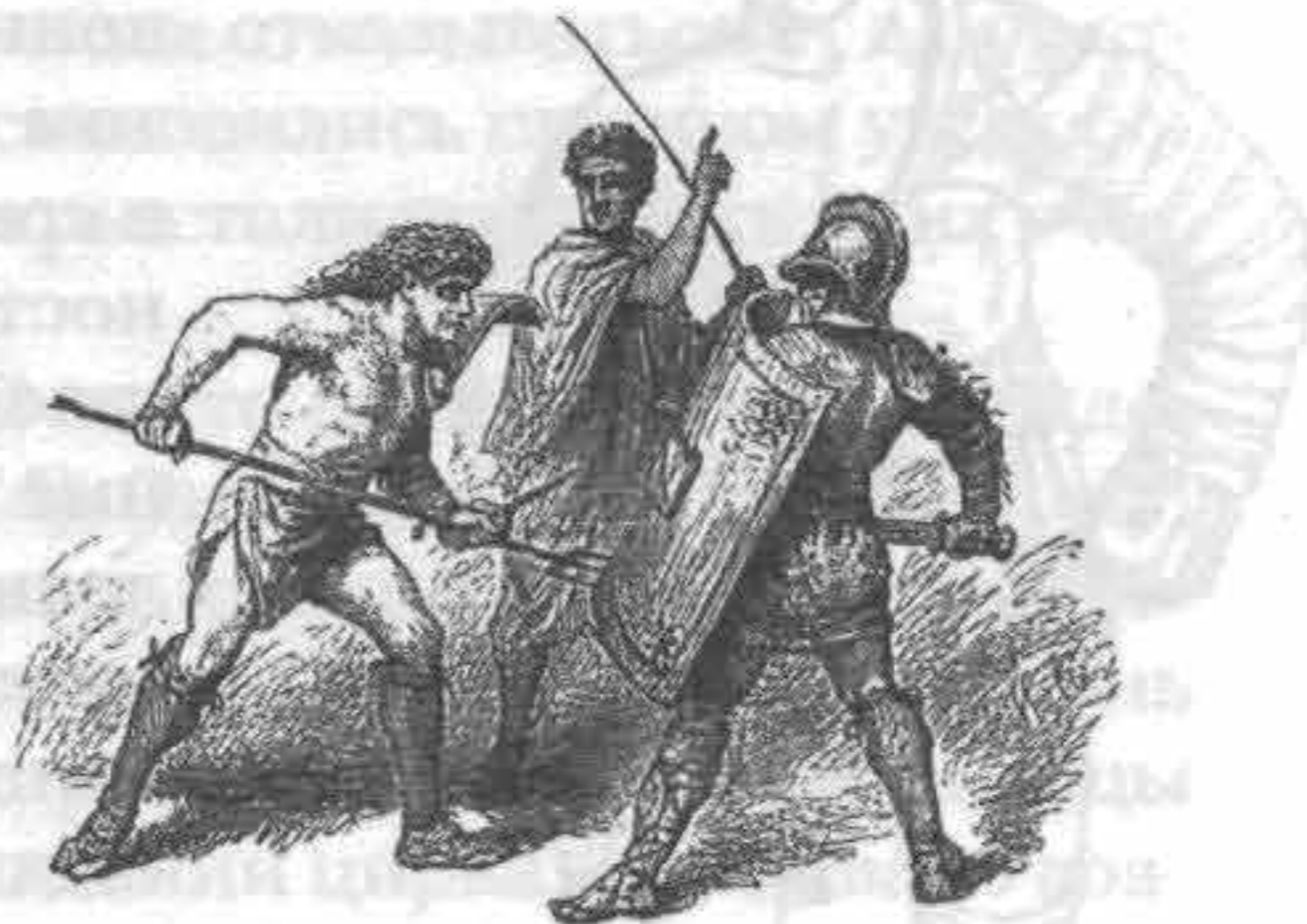

Рис. 172. Римские гладиаторы

Рис. 173. Бой гладиаторов (secutor и retiarius). По римской мозаике

сутствии трех свидетелей. Когда римские владения расширились, этот обряд принял символическую форму: главный фециал торжественно бросал копье в столб войны, находившийся в одном из храмов Рима. Непосредственное объявление войны возлагалось на главнокомандующего войсками, расположенных на границе.

Рис. 174. Гладиатор-самнит

Богослужебный обряд в Риме, как и в Греции, состоял из молитв, жертвоприношений, песен, пиров, игр и плясок. Жертвенное животное, украшенное цветами и облитое благовониями, подводили к алтарю, убивали молотом и перерезали горло ножом. Собранную в сосуд кровь возливали на алтарь, а внутренности, облитые благовониями, сжигали. Мясо шло на обед жрецам, а если жертвоприношение носило частный характер, то использовалось в домашнем обиходе. Одежда совершавших религиозные обряды была белой, что означало чистоту помыслов; белым цветом были отмечены и жертвенные животные. Если жертву приносили подземным богам, то выбирали черное животное.

Молящиеся украшали себе голову венком, если богослужение совершалось по греческому уставу, и покрывали тогой, если служили по уставу римскому. Мужчины молились стоя, женщины — на коленях, обратившись лицом к востоку. Они поднимали руки кверху, если молились небожителям, или касались земли, если молитвы были адресованы подземным богам. В момент жертвоприношения должно было царить глубокое

молчание — случайно произнесенное слово оскверняло святость церемонии. Позднее был введен обычай играть на флейте. Жертвенное животное должно было быть без изъянов и спокойного нрава — чтобы не сопротивлялось у алтаря.

Игры в честь богов римляне устраивали еще в древнейшие времена. Позднее эти увеселения превратились в огромные празднества в цирке (рис. 171), которые затягивались на четыре или на пять дней. Государство и отдельные граждане устраивали подобные развлечения, чтобы добиться популярности. Именно развлечения как нельзя лучше характеризуют дух и характер этого народа.

* * *

«Хлеба и зрелищ» («Panem et circenses») — вот тот страшный крик, который стал криком римской черни во времена падения Рима. Зрелища были необходимы черни как неотъемлемая часть жизни. И ее центром стал цирк. Исторические условия сложились так, что греческие олимпийские состязания на римской почве приобрели характер жестокой забавы.

Первоначально римские игры не отличались тем блеском, который был им придан впоследствии. Они состояли из воинских и гимнастических упражнений, бега, кулачного боя, игровых и комических сцен. Затем часть игр, позаимствованная из Этрурии, приняла местный характер и превратилась из религиозных игр в народные. В первые времена Республики игры устраивал консул, а затем специально назначенные сановники — эдилы. Огромные средства, которые требовались на проведение игр, эдилы частично покрывали из собственного кармана. Поэтому на такую должность выбирали людей, обладавших громадным богатством. Но впоследствии даже богатейшие люди начали все чаще отказываться от эдильства: расширявшиеся программы увеселений становились слишком уж дорогими. Когда власть перешла к императорам, игры стали проводить за их счет. Заведовал проведением игр *curator ludorum*.

Одна из самых любимых форм увеселений чисто римского происхождения — гладиаторские зрелища (рис. 172—174). Они зародились в Этрурии, где в высших классах общества развлекались кулачными боями рабов. Впоследствии их стали даже вооружать, чтобы борьба шла на жизнь и смерть. Затем рабов уже специально тренировали, развивая их мышцы для этой жестокой забавы. Бои проводили в здании цирка, что давало возможность всему Риму любоваться этим отвратительным зрелищем.

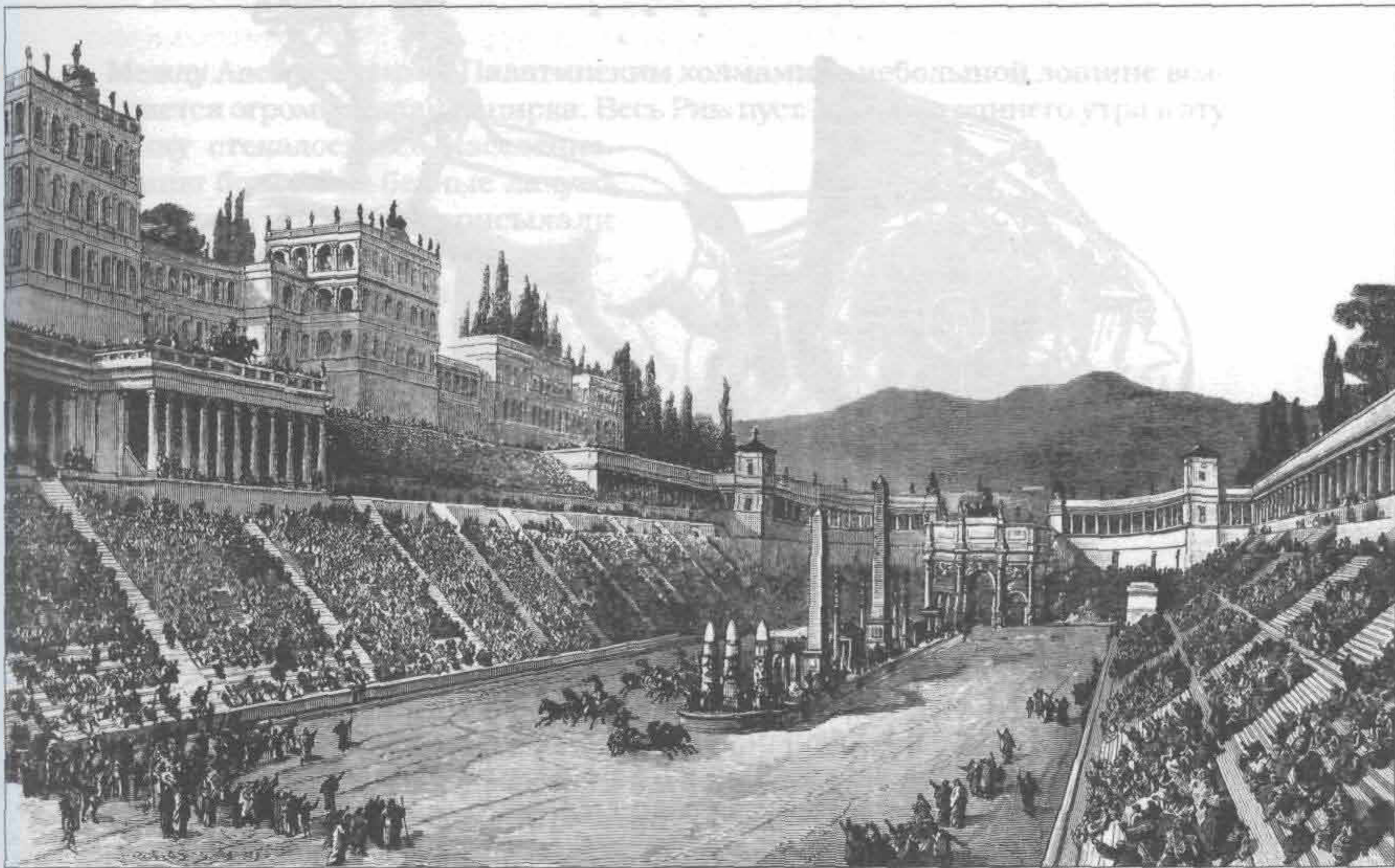

Рис. 175. Большой цирк (Circus Maximus) в Риме. Реконструкция

Гладиаторы подразделялись на несколько категорий в зависимости от характера оружия и боя. Любимейшими гладиаторами черни были так называемые ретиарии (*retiarii*), вооруженные сетью и трезубцем. Вначале ретиарий старался поймать противника в сеть, а затем проколоть его трезубцем. Судьба обезоруженного и поверженного гладиатора целиком зависела от настроения зрителей. Они могли даровать ему жизнь или предать смерти. Если он был красивым и искусным бойцом, то зрители, махая кусками ткани и аплодируя, требовали пощады побежденному. Но если народ был возбужден, а боец зарекомендовал себя с дурной стороны, то зрители в молчании делали выразительный жест большим пальцем правой руки, которым словно давили насекомое — знаменитый *pollice verso*. Тогда победитель вонзал свой трезубец в грудь несчастного.

Обычно игры начинались процессией (*pompa*), которую возглавлял консул или император. В колеснице, запряженной лошадьми, мулами и слонами, везли изображения богов и богинь, высоко поднятые над толпой. Дым золотых и серебряных курильниц, огромный хор, толпы жрецов, отряды всадников — все это наэлектризовывало толпу. Когда процессия въезжала на арену, аплодисменты и дикие вопли сливались в бурный взрыв восторга.

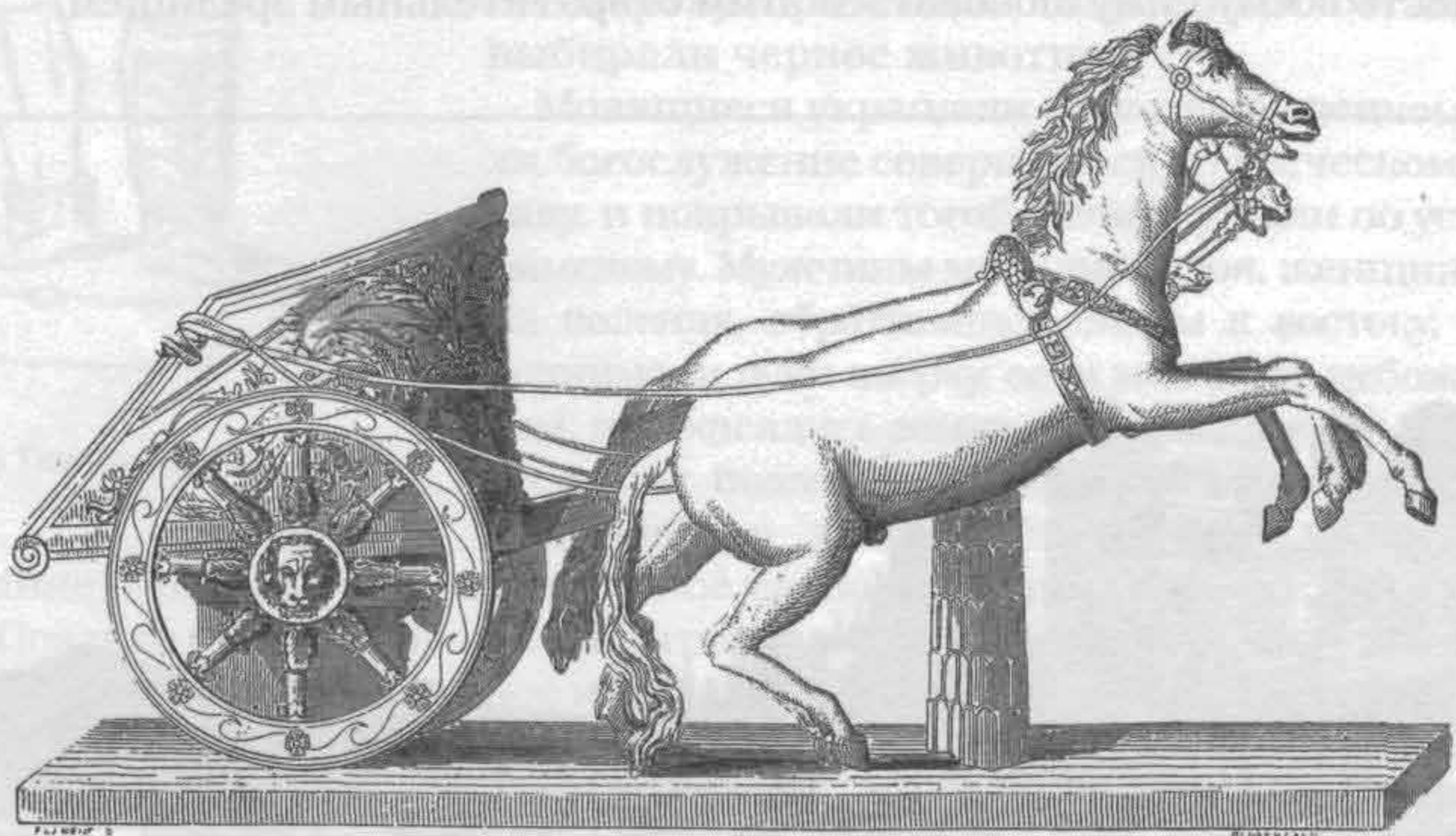

Рис. 176. Римская колесница

Его можно представить себе, если учесть, что в цирке бывало до 50 тысяч зрителей. Состязания следовали одно за другим: конские скачки, пешие бои атлетов, игра в диск, простая скачка с препятствиями и, наконец, охота (*venatio*), где стравливали диких зверей с людьми или животных между собой. О размахе «охоты» можно судить по следующим цифрам. В пятидневных играх при Помпее было убито 410 леопардов и пантер, до 500 львов. При Юлии Цезаре на арену выпускалось сразу до 50 львов. Император Август в своих записках упоминал, что им было истреблено в цирке 3500 слонов.

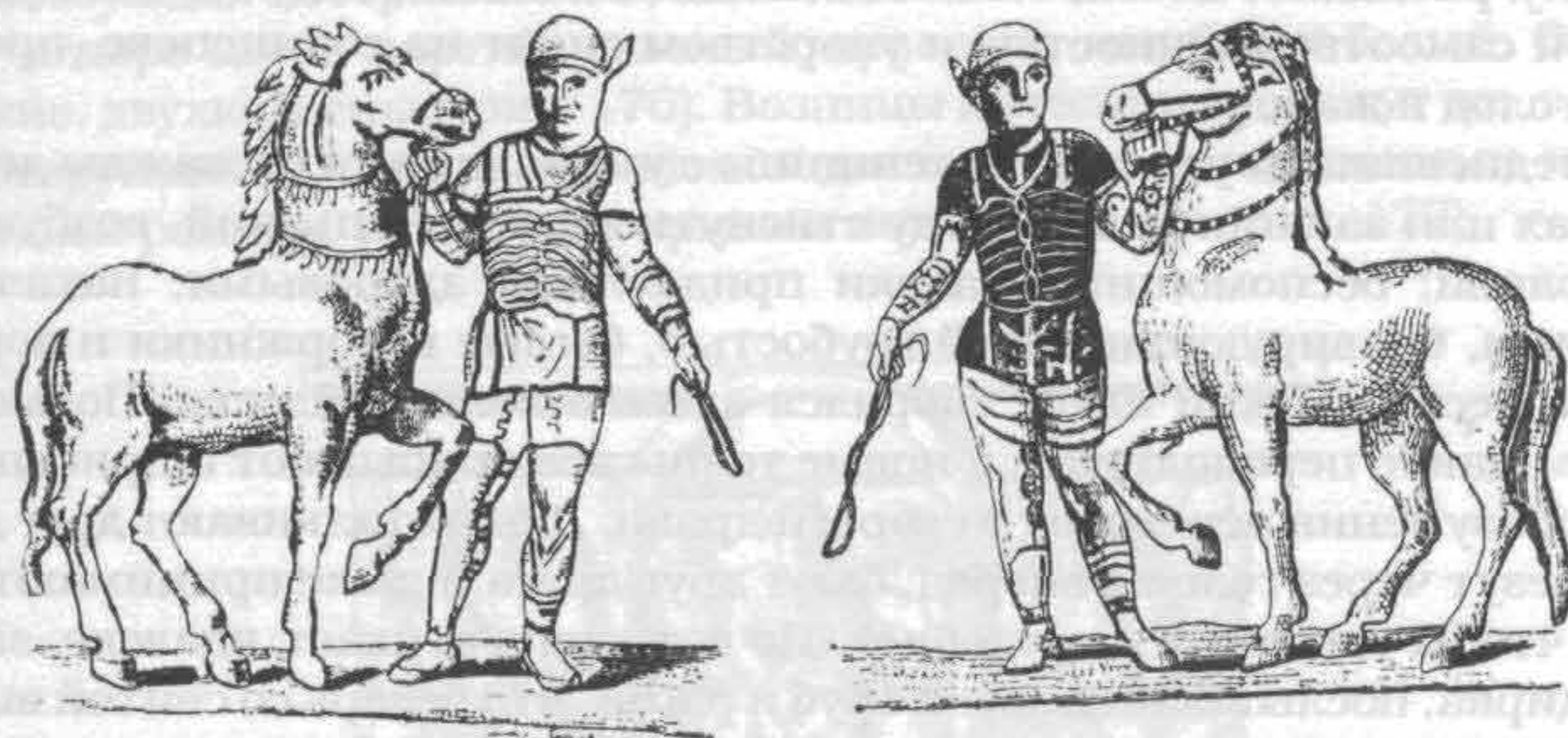

Рис. 177. Лошади и возницы двух разных цирковых партий.
Изображение с мозаики

Картину римских цирковых зрелищ лучше всего характеризуют гонки на колесницах — один из популярнейших видов увеселений. Скачки были настолько популярны в Риме, что еще в IX веке носили одежду, соответствовавшую цветам противоборствующих партий болельщиков в цирке.

* * *

Между Авентинским и Палатинским холмами, в небольшой лощине возвышается огромное здание цирка. Весь Рим пуст. С самого раннего утра в эту лощину стекалось все население. Палаццо богачей и бедные лачужки предместий Рима присылали сюда своих представителей, включая грудных младенцев и столетних стариков (рис. 175).

Все они в праздничных одеждах и с венками на головах. Колонны, портики и аркады цирка увиты гирляндами цветов. Во всю длину ристалища, разделяя его пополам, тянется *spina*, продольная линия из алтарей, статуй, групп и обелисков. Здание цирка окружено двумя ярусами ступеней из почерневшего мрамора. Эти ступени служат партером для аристократии и фундаментом для колоссальной деревянной надстройки, которая вмещает на своих скамьях громадное количество зрителей. Ни перил, ни ступеней, ни подмостков не видно в этом хаосе. Даже Палатинские холмы залиты морем народа, завидующего тем счастливым, которые успели достать себе место в цирке. Они сошлись сюда с восходом солнца, как только его лучи осветили фигурные фронтоны Капитолия. Теперь уже солнце взошло высоко и жжет во

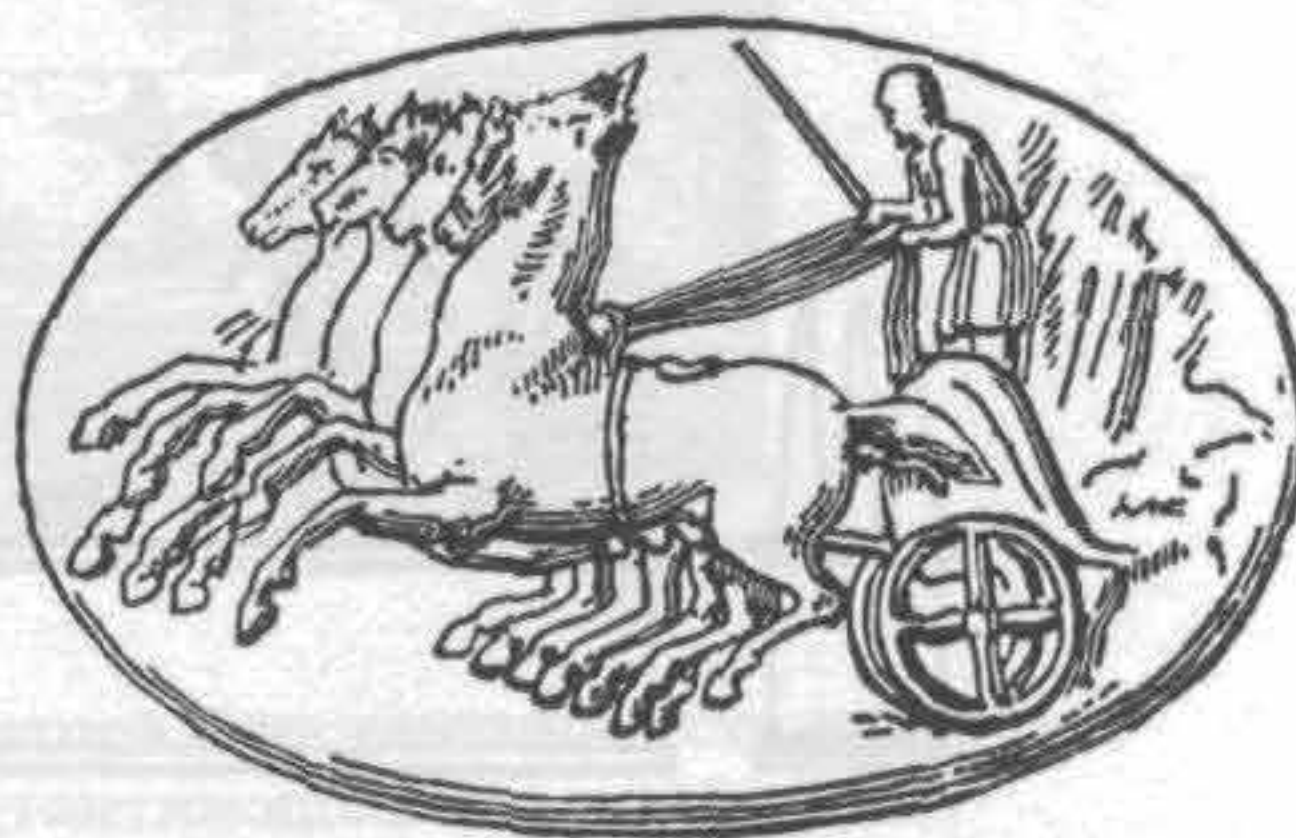

Рис. 178. Конная четверка с возницей.
Резьба по камню

всю силу, раскаляет песок, обливает палящим зноем толпу. Но все с удивительной самоотверженностью и упорством сидят на солнцепеке, презрев пыль, голод и жажду.

Побледневшие от усталости женщины с умирающими от жажды детьми на руках или за спиной отовсюду стиснуты ревущей, пьяной, возбужденной толпой; беспомощные калеки придавлены здоровыми; нахальные женщины, бравирующие своей грубостью, беглые каторжники и воры — словом, весь римский плебс собрался здесь в полном блеске. Подмостки давным-давно переполнены, а новые толпы все прибывают и прибывают.

Недоразумения переходят в ссоры и драки. Люди сталкивают друг друга вниз, лезут через головы вперед, бьют друг друга и даже принимаются за ножи, чтобы устроиться поудобнее. Но вот толпа стихает, вдалеке, за стенами цирка, послышались звуки труб и рогов. Это цезарь со свитой выехал из дворца и приближается к цирку. Его семейство, придворные, рабы, клиенты, статуи олимпийских богов — все это сверкает на ярком солнце, медленно и торжественно двигаясь по аллее. Жрецы и консулы с возлияниями и молитвами становятся перед алтарями. Белоснежные жертвенные быки падают у подножия алтарей под топором первосвященника — в честь богов, во здравие присутствующих и для благополучного окончания игр.

Ворота, откуда должны появиться колесницы, еще заперты. Два маленьких невольника держат перед ними цепь, завязанную слабым узлом. Зрители заключают пари; торопливо занимают свои места предводители партий. Там, где стоят беговые колесницы, идут лихорадочные приготовления: великолепных скакунов чистят, вплетают ленты в гривы, подвязывают хво-

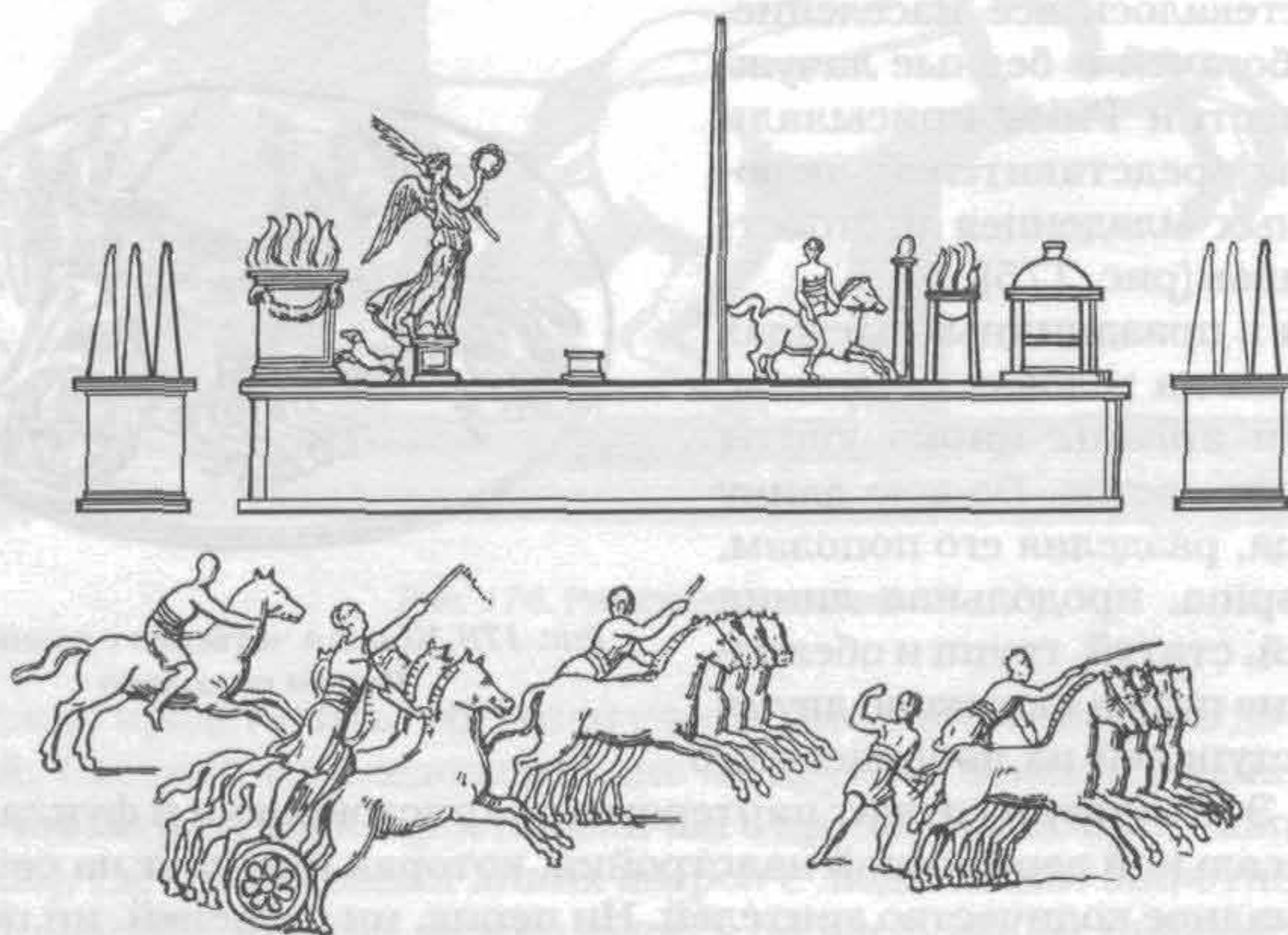

Рис. 179. Бег колесниц. Вверху изображена *spina*, украшенная обелиском и статуей Победы; справа и слева — столбы *meta*. Резьба по камню

сты, возбуждая нетерпение и беспокойство животных. Колесницы окрашены в четыре цвета партий: зеленый, красный, голубой и белый. Они маленькие, двухколесные (рис. 176). Возницы колесниц стоят тут же, в коротких безрукавках, с гладким шлемом на голове, с обнаженными ногами, обвитыми ремнем, и с острым кривым ножом у пояса (рис. 177).

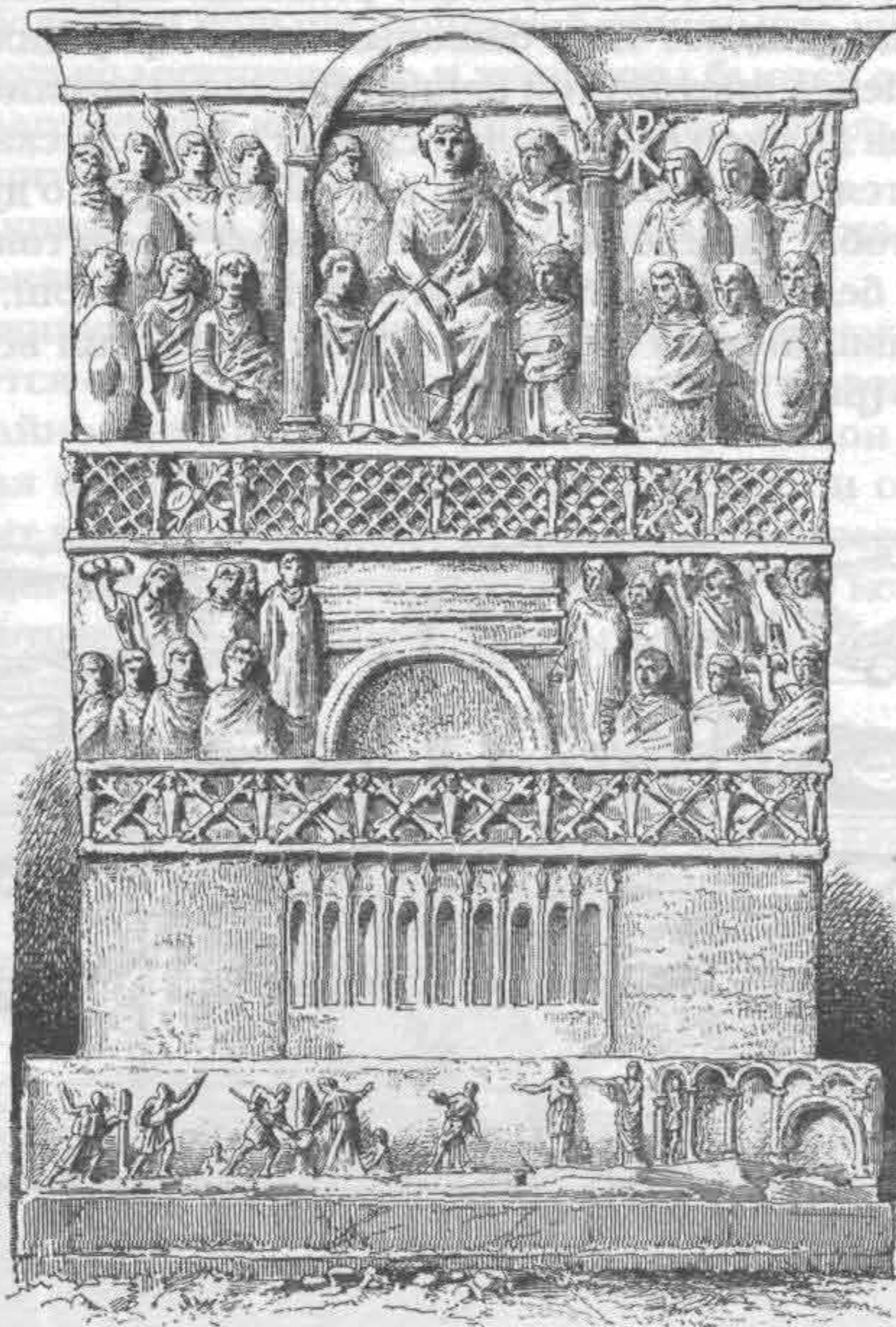

Рис. 180. База обелиска в честь императора Константина, установленная императором Феодосием на Константинопольском ипподроме. Себя Феодосий велел изобразить присутствующим при играх

Места в беге для колесниц определяются жребием, волнение состязателей и зрителей усиливается. Цезарь занял место в своей ложе, осененной ковровым пологом, шитым золотом по зеленому полю. В соседних ложах сидят его приближенные, далее — жрицы Весты в спущенных покрывалах. Напротив расположились важнейшие сановники города. 600 сенаторов, в форменной тунике и черных полусапожках, разместились вокруг. Во втором ярусе тянется бесконечный ряд представителей разных религиозных орденов, в пестрых одеждах. Цезарь давно уже лежит на шелковых подушках, а кортеж, во главе которого он прибыл, все еще двигается. Пред-

ставители города, магистраты, эдилы, патриции — все, отдавая поклон властителю, проходят перед ним и занимают свои ложи.

Внизу сплошной цветник. Это места для женщин. Голубые, белые, зеленые, пурпурные одежды, опахала из павлиньих и страусиных перьев, золото, перламутр, блеск драгоценных камней украшают изумительных красавиц, собравшихся сюда из тибрских дворцов. Но вот все заволновалось, по арене рассыпаются глашатаи, решетки скрипят и отворяются. Возницы едва сдерживают пыл бешеных коней, рвущихся и вздымающихся на дыбы перед протянутой цепью. Все глаза впились в императорскую ложу: оттуда должен быть подан сигнал к началу скачек. На минуту в цирке воцаряется гробовая тишина: все забыли друг о друге, шеи вытянуты вперед, чтобы ничего не пропустить из предстоящего зрелища. Но вот мелькнул белый платок, цепь упала, грянул марш, и нечеловеческий крик, вырвавшийся из груди зрителей, возвестил всему городу, что скачка началась (рис. 178, 179, 181).

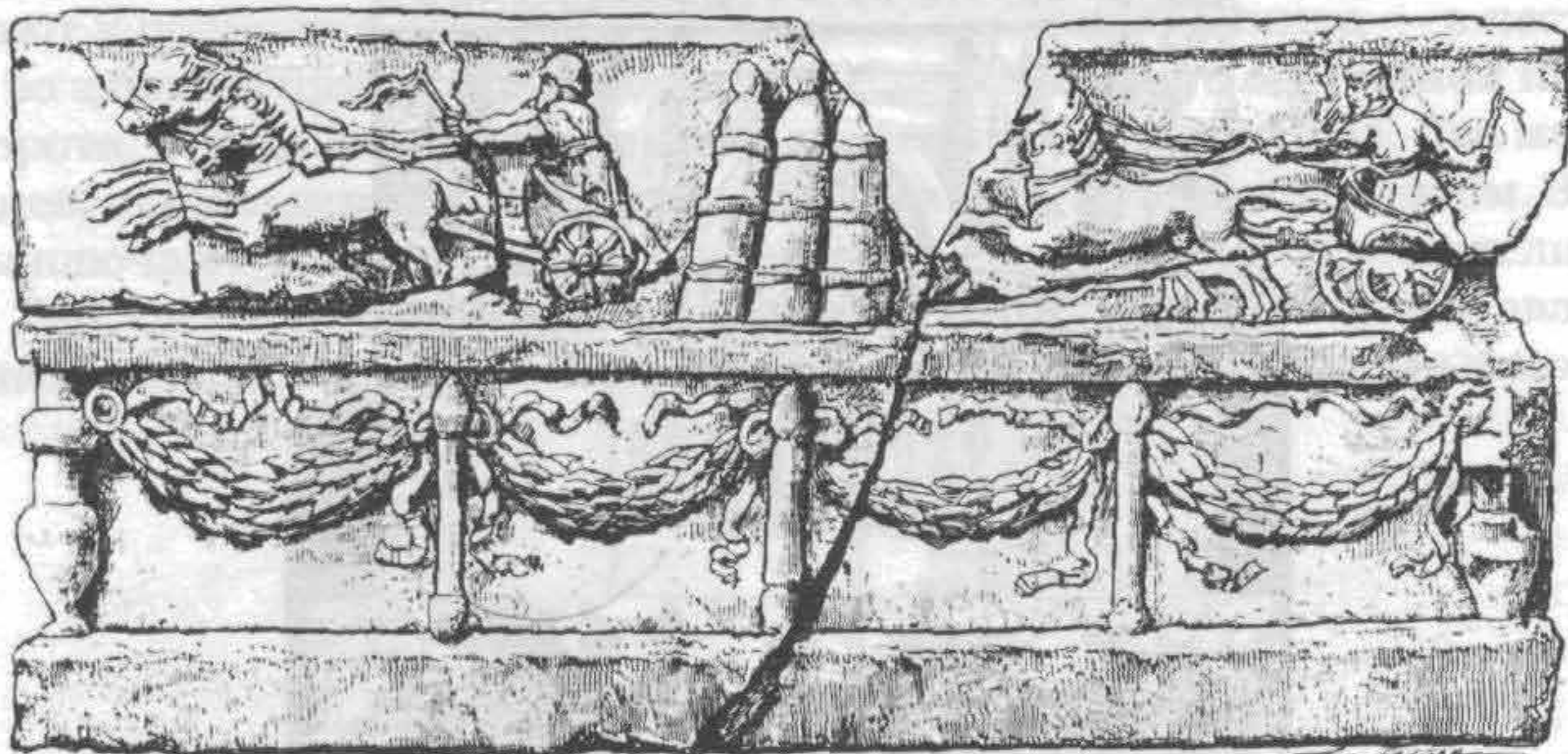

Рис. 181. Цирковые бега. Римский барельеф

Шестнадцать коней, запряженных в колеснице по четыре, рванулись вперед, подняли тучу пыли и понеслись по арене. Возницы всем телом подались вперед, то сдерживая, то понукая пылких скакунов. Тучи пыли совсем заслонили и коней и колесницу, которая, вынырнув из этого тумана, снова пропадает в нем. Земля стонет под копытами; скрипя, режут песок бешено вертящиеся колеса. Мелкие камни, подбрасываемые шипами подков, взлетают вверх, осыпая колесницы и состязающихся.

Все четыре колесницы рядом, ни одна еще не вышла вперед; в первый раз они домчались до столбов, которые должны обогнуть. Поворот рискован: надо вовремя перебить друг у друга дорогу, сделать настолько крутую дугу, что крепкая ось трещит от поворота. Искусство заключается в том, чтобы придавить колесницу соседа, сбить лошадей, очутиться хоть на голову впереди.

Поворот сделан. «Euge!» — раздаётся из множества глоток. Первое препятствие пройдено. Ставки начинают возрастать. На отставших лошадях пот смешивается с кровью: возница бичует их взмахами ремней с свинцовыми наконечниками, и каждый удар отпечатывается на их теле тонкой полоской. Лошадь, взвившаяся на дыбы от боли, решает участь одного из участников. Противник успевает выиграть две-три секунды и перехватить первенство.

Зрители все больше и больше начинают принимать участие в скачках. Теперь уже не только мужчины, но и женщины бьются об заклад на свои украшения и драгоценные камни. Экипажи, скот, невольники, домашняя утварь — все годится для ставки.

И вот общий крик снова вырывается у зрителей — на повороте что-то случилось. Мелькают лошади, колесницы, колеса...

Возница опрокинутой колесницы, запутавшись в вожжах, волочится по песку. Он пытается острым ножом перерезать упругие вожжи. Отставшая колесница случайно или специально налетает на него: он раздроблен в куски... Но и новая колесница от удара теряет колесо, и оно, сорвавшись, по инерции летит вперед, описывает дугу и падает на песок...

Какой-то остряк кричит из ложи: «Держу тыячу, что колесо перегонит». Толпа хохочет; отовсюду на окровавленных, полумертвых состязателей сыплются насмешки.

Рис. 182. Серебряная посуда времен цезарей

Две из упавших лошадей наконец вырвались и с оборванной сбруей и сломанным дышлом несутся снова вперед, догоняя неповрежденные колесницы, усиливая беспорядок и еще более усложняя скачки.

Уже шесть раз две колесницы удачно объехали цирк, держась вровень друг с другом. Обе партии со страхом следят за ними, то печальась, то ликуя. Почтительные восклицания отовсюду летят и лошадям и возницам. Силы противников равны. Кони одинаково выезжены, сильны, быстроноги. Зрители, облитые с ног до головы потом от невыносимого зноя, в распущенных одеждах, со сжатыми кулаками и искривленными лицами неистово кричат: «Десять, сто тысяч за зеленую...»

Последний поворот. Вдруг из ближней ложи кто-то ухитрился навести зеркалом на лицо одного из возниц отраженный луч солнца, и у того перед глазами тотчас запрыгали голубые, зеленые, желтые звезды. На мгновение он потерял из виду мокрые крупы лошадей, своего соперника и волнующийся пыльный амфитеатр. Он ничего не видит. Противник уже достигает белой меловой черты, он опередил его на две головы!..

Слышите эти безумные крики? Что за невозможный гвалт и вверху и внизу! Одни торжествуют победу, другие скрежещут зубами, поднимают к небу кулаки с проклятием на людей и богов.

Победитель, покрытый ветками, лентами и шарфами, гордо объезжает цирк, тихонько проводя вспененных, взъерошенных коней. Он стал свободным человеком, получил полный золота призовой кошелек, драгоценные одежды, золотое кольцо и пальмовую ветвь. Его торжеству мог бы позавидовать цезарь!

Песок разглажен: ждут нового состязания. Но что это? Какой-то грохот раздался в нижней части цирка. Дикие вопли; все вскакивают с мест... Что за ужас! Верхние деревянные подмости и скамейки, не выдержав напора волнующейся толпы, рухнули, увлекая за собой мужчин, женщин и детей.

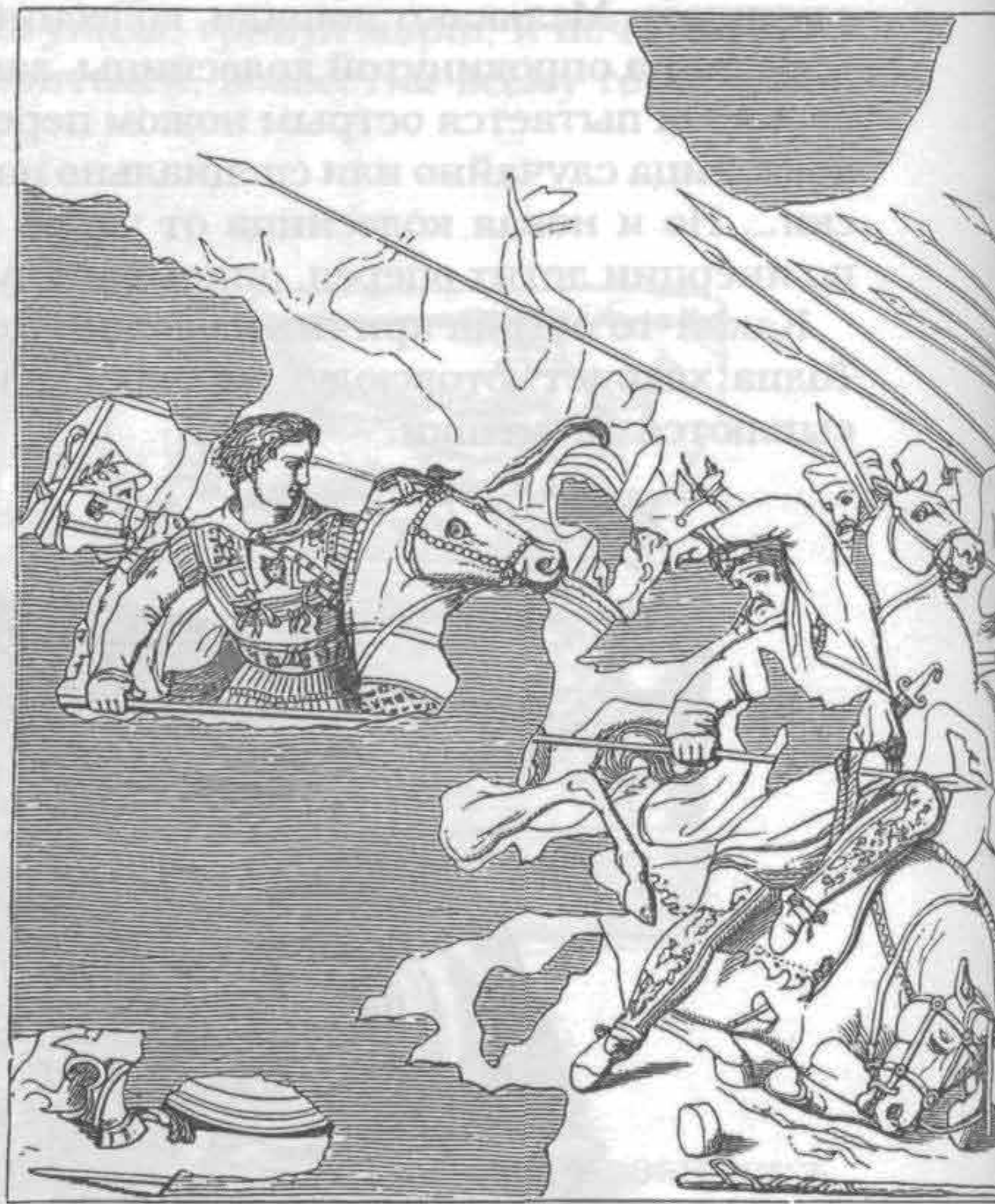

Рис. 165. Кульминация
Войска персов во главе с Дарием
По помпейско

Груды тел сыплются на арену: раненные, раздавленные, истекающие кровью, молящие о помощи. Грузные столбы, балки, скамьи с грохотом валятся друг на друга. Кровь по мрамору нижних плит стекает на арену. Несчастные с четвертого яруса падают вниз на песок, напрасно стараясь схватиться за выступ или перила.

В бешеной суматохе народ стремится к выходам, карабкаясь по уступам вверх, спрыгивая вниз, заботясь только о себе, покупая свое спасение ценой жизни ближнего...

Между убитых и раненых носятся испуганные, вырвавшиеся из конюшен лошади. Двор в смятении удаляется, и цирк вскоре становится похож на огромное кладбище...

На тележках увозят раздавленные трупы; с плачем за ними следуют оставшиеся в живых.

Рим в трауре, урны полны пеплом, плакальщицы не уходят с кладбища...

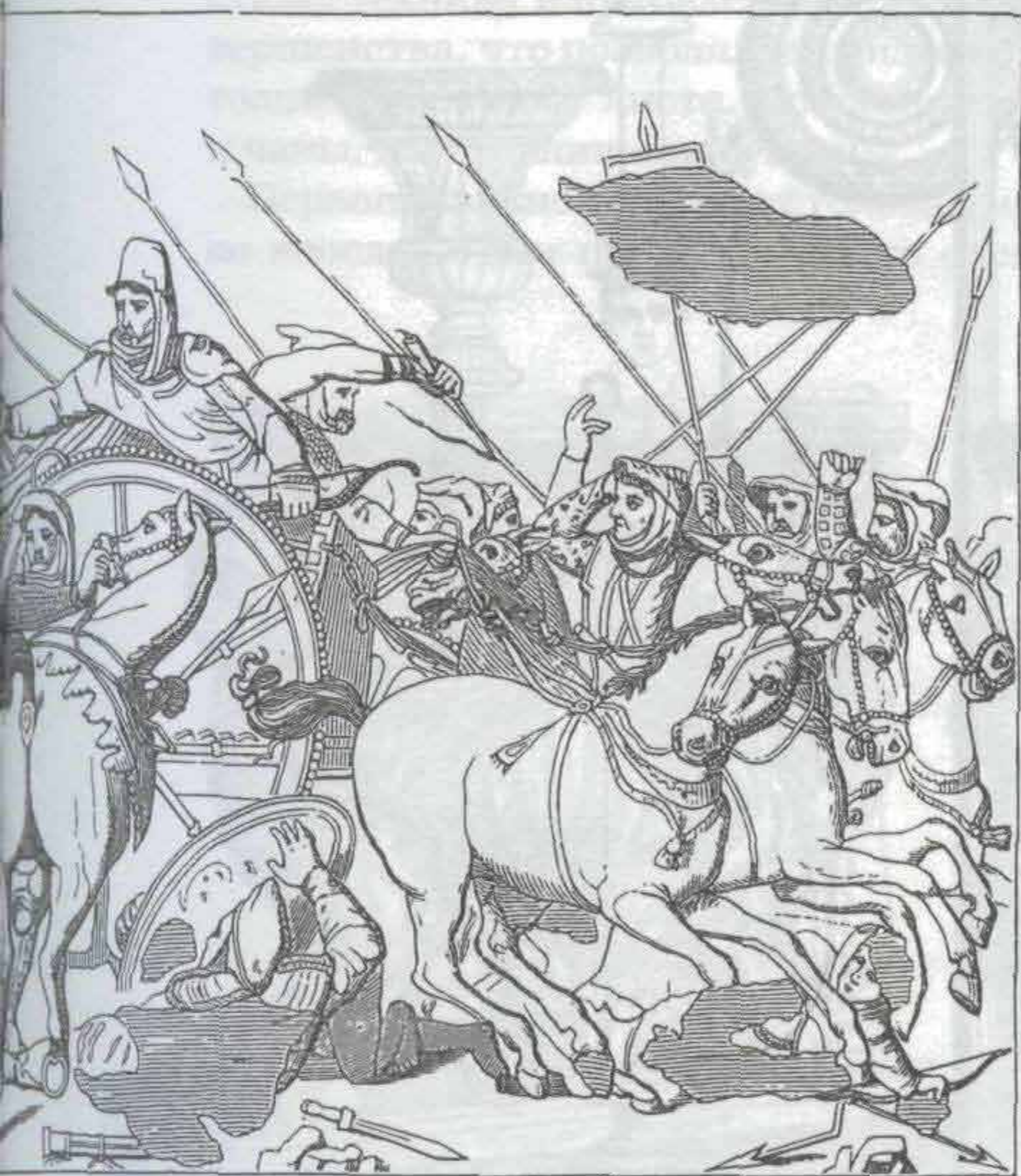
Прошло несколько дней затишья. Перед дворцами собираются новые толпы: «Panem et circenses!» — гремят они.

И на месте старых подмоствок воздвигаются новые.

* * *

Римская семейная обстановка со временем становилась все комфортнее, и в эпоху императоров она уже поражала своей роскошью. Во времена Республики, когда еще существовал закон, осуждавший роскошь, из серебряных вещей позволялось иметь только солонку и жертвенные чаши. Один из знатнейших сенаторов лишился своего места только за то, что у него обнаружилось четыре с половиной килограмма серебряной посуды.

А вот в 91 году народный трибун Марк Друз владел серебряной посудой общим весом в четыре с половиной тонны. При Сулле в Риме насчитывалось до 150 сорокапятикилограммовых серебряных блюд. Не считая веса серебра, римляне платили огромные суммы за работу, которая иногда обходилась в 20 раз дороже материала.

Момент битвы при Иссе.
Напором войск Александра с персами.
по рисунку изобразителю

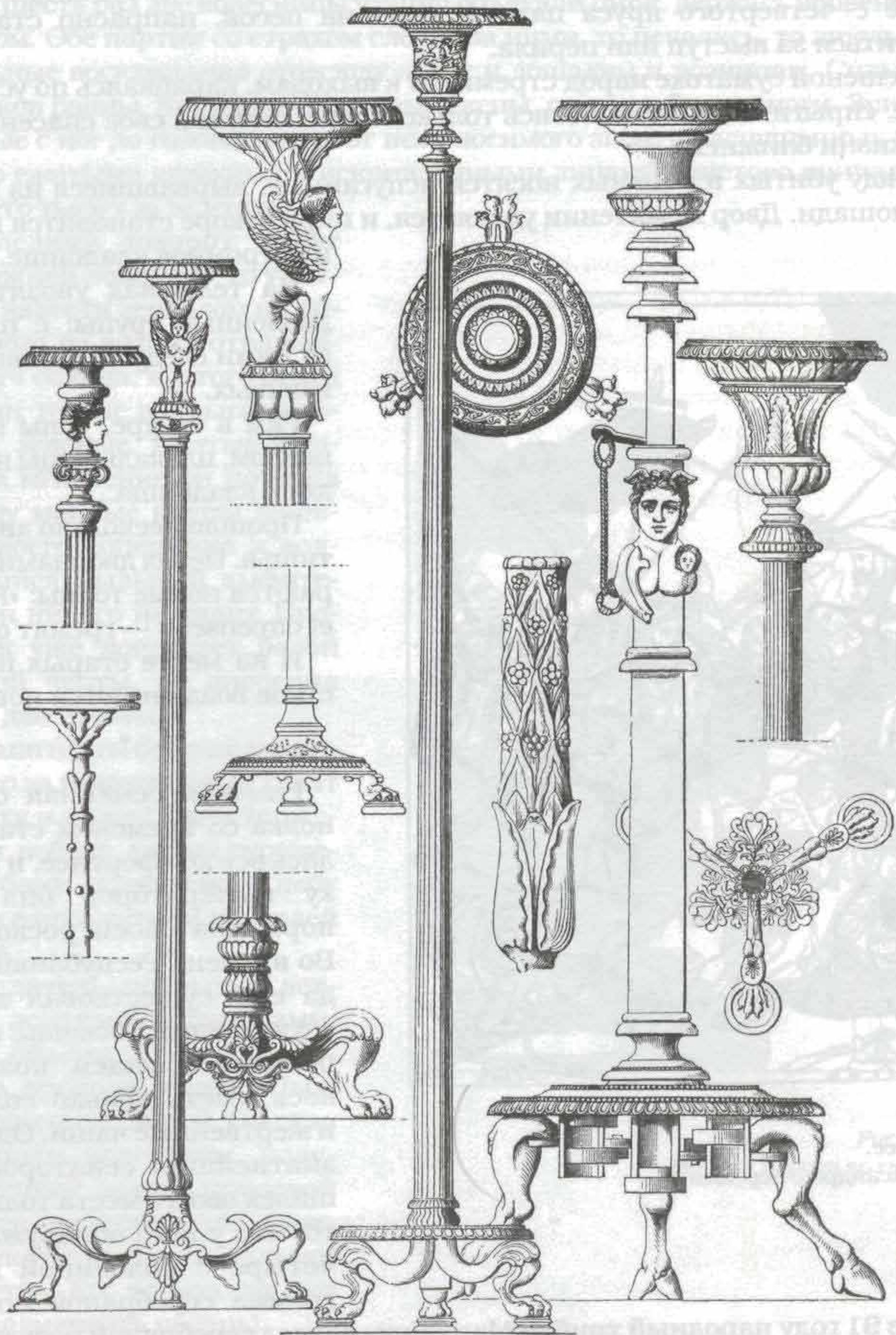

Рис. 183. Римские светильники

Серебряная посуда постепенно становилась более обыденной вещью, глаз привыкал к ней и уже не останавливался с прежним удивлением. Тогда посуду стали делать золотой. Но и золото скоро стало заурядным, и для увеличения ценности сосудов потребовались драгоценные камни. Изготовление подобных сосудов достигло такого размаха, что при Тиберии сенат ограничил его особым декретом.

Плиний уверял, что у Лукулла были амфоры из оникса величиной с бочку и что у него стояла ониксовая колонна десятиметровой высоты. Для отделки сосудов использовали слоновую кость и янтарь. Колоссальные вазы изготавливали из алебаstra, мрамора, порфира и гранита. В гранитных вазах главную роль играла отделка в греческом или в смешанном римском стиле. Техника изготовления предметов из алебаstra достигла такого совершенства, что позволяла производить небольшие сосуды со стенками не толще бумажного листа. Большие емкости для воды и вина, т. е. бочки и чаны, изготавливали из глины.

Первоначально римская столовая не была отдельной комнатой, и только впоследствии начали строить специальный триклиний. В глубокой

Рис. 184. Декоративные опоры столешницы. Дом Корнелия Руфа

древности римская семья обедала в самом открытом месте дома, атриуме. Рабы сидели тут же, только на некотором расстоянии от хозяев, и ели то же, что и господа. Но потом появился восточный обычай возлежать за столом (*assubere*) (рис. 185). Тогда женщины стали обедать отдельно, а их присутствие за столом считалось неприличным. При императорах, когда нравственность пала, присутствие женщины стало на пире обязательным, а сам пир превратился в безобразную оргию.

Рис. 185. Ложе для трапезы (*lectus triclinaris*) на двоих

Позднее вошло в моду устраивать отдельные столовые для каждого времени года.

Обычно обеденный стол имел прямоугольную форму и был с трех сторон обрамлен скамейками (по-гречески «скамья» — *клина*; отсюда и название столовой — *триклиниум*). На каждую клине могло улечься трое гостей; всего за столом помещалось девять человек. Известна римская поговорка: «Гостей за столом должно быть не меньше трех граций и не больше девяти муз». Скамьи были превосходно сделаны из точеного дерева, украшенного слоновой костью, золотом и серебром, или из бронзы (рис. 184). На них лежали длинные и короткие подушки, на которые облакачивались обедающие. Сверху скамьи покрывали пурпурными одеялами, иногда — дорогими шкурами зверей.

За столом самым завидным местом считалась средняя скамья для наиболее почетных гостей. Хозяин обычно садился с левой стороны, на месте, ближайшем к средней скамье, откуда он отдавал распоряжения прислуге. Обедающие возлежали, опираясь на подушку левой рукой, а правой брали кушанья. Стол, который был ниже кушеток, обычно изготавливали